

Багдасарян Сусанна Джамиловна

ПОПЫТКИ РАЗРУШЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В 1920-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

В статье рассматриваются предпринимавшиеся большевиками в 1920-е гг. попытки внедрения в повседневную жизнь крестьян юга России (по материалам Дона, Кубани, Ставрополья) несвойственных земледельческой общине обновленных межполовых отношений. Приводятся примеры новой сексуальной политики большевистской власти, которая декларировала оформление свободы половых отношений от патриархальных пережитков старины. Подчеркивается, что изменения в области семьи и брака (равноправие супругов, устранение родительского диктата по отношению к детям, лёгкость расторжения брака и т.п.) значительно повлияли на начавшиеся процессы распада крестьянской большой семьи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 22-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

5. **Катанов Н. Ф.** Краткий обзор татарских исторических книг. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1912. 4 с.
6. **Кемпер М.** Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством / пер. с нем. И. Гилязова. Казань: Российский исламский университет, 2008. 655 с.
7. **Марджани Ш.** Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар: в 2-х т. Казан, 1897. Т. 1. 264 б.; 1900. Т. 2. 368 б.
8. **Мехдиев Р.** Абдулла хазрат Сейид-Баттал углы Муллакаи. Оренбург, 1916. 17 с.
9. **Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН).** Ф. 116. Личный фонд Раиля Гумеровича Кузеева. Оп. 1.
10. **Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ).** Ф. 420. Оп. 1.
11. **Рамзи М. М.** Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи Казан ва Булгар ва мулук ат-татар: в 2-х т. Оренбург, 1908. Т. 1. 736 б.; Т. 2. 539 б.
12. **Салихов Р. Р.** Татарская буржуазия Российской империи: взаимодействие с обществом и властью: вторая половина XIX – начало XX в.: дисс. ... д.и.н. Казань, 2006. 538 с.
13. **Тюркологический сборник /** Рос. акад. наук; С.-Петербург. фил. Ин-та востоковедения. М.: Восточная литература, 2002. 375 с.
14. **Юзеев А. Н.** Татарская религиозно-реформаторская мысль (XIX – начало XX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 287 с.
15. **Юсупов М. Х.** «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар» М. Рамзи как источник по истории тюркоязычных народов Поволжья // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. М., 1978. Т. 3. Ч. 2. С. 145-146.
16. http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2001_3_4/03/03_2/ (дата обращения: 13.04.2017).
17. <http://www.dissercat.com/content/struktura-teksta-i-yazykovye-osobennosti-kitabe-mustafad-al-akhbar-fi-akhvali-kazan-va-bulga> (дата обращения: 13.04.2017).
18. <http://www.tataroved.ru/publication/tthan/9> (дата обращения: 13.04.2017).

**INTERPRETATION OF THE BASHKIRS' HISTORY IN "MUSTAFAD AL-AKHBAR"
BY ŞİHABETDİN MÄRCANI AND "TALFIK AL-AKHBAR" BY MURAD RAMZI:
SOURCE BASE AND METHODOLOGICAL APPROACHES**

Akhmadullin Salavat Zyamilovich

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Moscow
salahmad@mail.ru*

The article is devoted to historical works "Talfik al-akhbar" by Murad Ramzi and "Mustafad al-akhbar" by Şihabetdin Märçani. Creative heritage of M. Ramzi and Ş. Märçani is of great importance for understanding historical and cultural processes in the Ural-Volga region at the turn of the XIX-XX centuries and formation of national historiography of the Muslim peoples of the region. In order to reveal the degree of compilativity of the first work in relation to the second one, a comparative analysis of the section "The State of Affairs of the Bashkirs" from "Talfik al-akhbar" and "The Section on References to the Bashkirs" from "Mustafad al-akhbar" is carried out. It showed that differences in periodization, composition, source base, methods of working with sources and interpretation of history of the Bashkirs are a proof in favor of originality of "Talfik".

Key words and phrases: "Talfik al-akhbar" by Murad Ramzi; "Mustafad al-akhbar" by Şihabetdin Märçani; history of the Tatars and the Bashkirs; Muslim historians.

УДК 94(470.6)"1920":342.542.5

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются предпринимавшиеся большевиками в 1920-е гг. попытки внедрения в повседневную жизнь крестьян юга России (по материалам Дона, Кубани, Ставрополя) несвойственных земельческой общине обновленных межполовых отношений. Приводятся примеры новой сексуальной политики большевистской власти, которая декларировала оформление свободы половых отношений от патриархальных пережитков старины. Подчеркивается, что изменения в области семьи и брака (равноправие супругов, устранение родительского диктата по отношению к детям, лёгкость расторжения брака и т.п.) значительно повлияли на начавшиеся процессы распада крестьянской большой семьи.

Ключевые слова и фразы: равенство супругов; доколхозная деревня; межполовые отношения; Советская Россия; половая свобода; повседневная жизнь.

Багдасарян Сусанна Джамиловна, к.и.н., доцент
*Сочинский государственный университет
bsd73@mail.ru*

**ПОПЫТКИ РАЗРУШЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В 1920-Х ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)**

В результате государственного переворота в октябре 1917 г. советское правительство не ограничилось изданием декретов, изменяющих государственный строй, но и революционно изменяло институты семьи, брака и развода. Одними из важнейших достижений стало гендерное равенство полов в семье и признание

законным только гражданской формы брака. Равенство супругов представляло собой лишь одну из целевых задач становления советской семьи. При этом относительно характеристик и принципов устройства самого института нового образца, идеологи и теоретики компартии спорили на всём протяжении 1920-х гг.

Закономерным продолжением большевистских идей о коренном преобразовании традиционной семьи сначала стали мысли об её полной ликвидации и естественном переходе к безбрачию и свободным отношениям между мужчинами и женщинами. Такое своеобразное понимание модернизации семейно-брачных отношений сформировало в начале 1920-х гг. квазикультурное течение среди членов компартии и, особенно, комсомольской организации, публично ратовавших за «свободную любовь». В этом же ряду стоит и общество «Долой стыд!», действовавшее в Советской России (Советском Союзе) в первой половине 1920-х гг. и скандально прославившееся своими эпатажными мероприятиями. Среди акций общества наиболее известны неоднократно устраиваемые его членами шествия по городским улицам в голом виде; при этом одни «манифестанты» могли вовсе не иметь одежды, другие же оставляли при себе обувь и головные уборы или надетую через плечо (и, соответственно, мало что прикрывавшую) ленту с надписью «Долой стыд!». Такие оригинальные шествия случались в Москве, Харькове, а в сентябре 1924 г. активисты общества «Долой стыд!» заявили о себе и в Ростове-на-Дону [2]. Сам факт существования в стране объединений, подобных обществу «Долой стыд!», свидетельствовал об отсутствии среди большевиков единой стратегии преобразований, как семейно-брачных, так и сексуальных, межполовых отношений.

Тем самым, «семейная политика большевистской власти формально способствовала созданию новой семьи, свободной от патриархальных пережитков»; но, в то же время, «упрощённый подход к проблемам генезиса новых форм семейной морали, характерный для большевиков, сформировал тенденции, способствовавшие дискредитации женского населения» [1, с. 18-19]. Поддерживая изложенную позицию, подчеркнём, эти тенденции заключались собственно в воплощении на практике теорий «стакана воды» и «свободной любви», которые, в конечном счёте, соответствовали интересам мужчин, но не женщин. Ведь в Советской России 1920-х гг. «свобода любви» стала пониматься именно как свобода мужчин пользоваться любым женским телом, а «свобода» женщин вылилась в необходимость беспрекословного и немедленного подчинения желаниям мужчины» [12, с. 215].

Восприятие женщины в качестве равноправного товарища, коллеги, невесты, будущей жены и матери меркло в революционном процессе. Отношение к ней как объекту физиологического влечения («постельной принадлежности», по выражению Ф. И. Парфёнова [10, с. 379]) характеризовало в 1920-е гг. мужчин из разных социальных и профессиональных групп советского общества, вне зависимости от их политической принадлежности. Более того, многие члены компартии и члены комсомола, призванные подавать остальным гражданам пример уважительного отношения к женщинам, зачастую сами выступали в первых рядах почитателей этих подходов, будучи ярыми сторонниками практического воплощения теорий «стакана воды» и «свободной любви».

Половая свобода буквально охватила ряды комсомольцев, чья бурная советская молодость властно актуализировала вопросы пола. В источниках содержится немало констатаций развязного отношения юношей-комсомольцев к девушкам. По утверждению Ставропольского окружкома РКП(б), в 1925 г. среди местных комсомольцев отмечались случаи пьянства и разврата [3, д. 2, л. 63].

Причём самые настойчивые требования удовлетворить половое влечение предъявлялись комсомольцами к комсомолкам. Ведь те, в отличие от беспартийных аполитичных девушек, являлись соратниками по ВЛКСМ и, значит, по первому требованию как бы обязывались удовлетворять физиологические потребности их товарищей. В том же 1925 г. исследователи, изучавшие жизнь и быт в некоторых сельских населённых пунктах Донского округа Северо-Кавказского края, отмечали среди местных комсомольцев разного пола «в повседневной жизни взаимоотношения... хорошие, приятельские», но у них «взгляд друг на друга как на мужчин и женщин не изжит». Более того, «во взаимоотношениях наблюдается чрезвычайная “простота нравов”. Если парню приглянулась девушка, то он не задумывается тут же предложить ей вступить с ним в половую связь и девушка, зачастую не задумываясь, даёт своё согласие» [8, с. 117]. Как мы полагаем, такое утверждение является чрезмерно смелым, тем не менее, факт довольно свободных взаимоотношений между комсомольцами и комсомолками подмечен верно. В юмористической форме, которая, однако, никоим образом не искажала описываемую действительность, подобные явления превосходно отобразил в одном из своих рассказов П. С. Романов, причём в нём идёт речь даже не о комсомольцах, а о пионерах, достигших возраста, когда интерес к противоположному полу начинает неразрывно связываться с сексуальными устремлениями [14, с. 394-395].

Отказ девушки от настойчивых и недвусмысленных предложений её самозваного ухажёра, если он состоял в рядах комсомольской, партийной организации или же просто считался политически подкованным беспартийным гражданином, вполне мог расцениваться новоявленными донжуанами в качестве безнравственной демонстрации комсомолкой «мелкобуржуазных предрассудков» [12, с. 215]. В лучшем случае, обиженные кавалеры после «неудавшейся осады» оставляли неприступную красотку в покое, но зачастую принимались за целенаправленную травлю: могли объявить её «мещанкой», «чуждым делу пролетариата элементом», недостойной звания комсомолки и пр. В худшем случае, упорствующую девушку ждало сексуальное насилие.

Случаи насилия в городах и всях СССР многократно фиксировались на всём протяжении 1920-х гг. Зачастую грубое насилие сопровождалось грабежом и, не столь уж редко, заканчивалось убийством жертвы. Так, в марте 1926 г. в отделение уголовного розыска станицы Кущёвской пришла гражданка О. Олейникова и заявила, дескать, «в степи, между ст[аницами] Шкуринской и Кущёвской, на неё напали [несколько] неизвестных лиц, отобрали у неё денег 6 руб., сняли платье и, изнасиловав по очереди, скрылись». К профессиональной чести кущёвских оперативников, уже на следующий день они задержали шестнадцатилетнего А. С. Щекотова, сознавшегося в участии в групповом изнасиловании Олейниковой. Правда, по его словам, изнасилование произошло совсем не «при тех обстоятельствах[,] как объяснила она». По утверждению Щекотова, Олейникова

«жила у них в заброшенной хате в степи двое суток» и чуть ли не добровольно отдавалась всем желающим. Оперативники выразили резонные сомнения в правдивости рассказа Щекотова, но оставили вынесение окончательного вердикта за судом [11].

Широкому распространению изнасилований в Советской России эпохи нэпа в немалой степени способствовало не только общее падение нравов, но и сравнительная мягкость наказания за подобные преступления. Наиболее жёсткий приговор суд вынес насильникам по так называемому «Чубаровскому делу» – произошедшему в августе 1926 г. групповому изнасилованию девушки-рабфаковки в Чубаровом переулке в районе Лиговского проспекта в Ленинграде. Этому процессу придали тогда политический характер и несколько обвиняемых расстреляли, а другие (за исключением двух оправданных) получили разные сроки заключения в исправительных лагерях. Но обычно суд назначал насильникам чисто символические наказания. Как отмечает С. Н. Данихно, в начале 1927 г. в г. Краснодаре молодой рабочий изнасиловал девушку, и его приговорили за это деяние всего лишь к 8-ми месяцам исправительных работ [4, с. 314]. И такой приговор вынесли уже в условиях «чубаровщины», когда советская власть и общественность наконец-то озаботились проблемой сексуального насилия. В деревне же насильники нередко вообще не привлекались к суду, поскольку потерпевшие предпочитали не обращаться в милицию, чтобы избежать общественного позора. Ведь, с точки зрения крестьян, даже если насильник признавался виновным, изнасилованная им девушка заслуживала насмешек и пересудов. Бывали случаи, когда жертва насилия просила помощи у односельчан, но те в ответ тут же поднимали её на смех [5, с. 155].

Подчеркнём: довольно широкое, в сравнении с досоветской эпохой, распространение в постоктябрьской России неупорядоченных половых связей, равно как и излишняя свобода разводов, привели к ситуации, когда в стране «катастрофически увеличилось число внебрачных зачатий и рождений, а также аборт» [7, с. 293]. Конечно, доколхозная деревня не могла соперничать с городом по степени распространения указанных негативных явлений, ибо общественный контроль над взаимоотношениями полов здесь оставался более жёстким, да и осуждение добрых сексуальных связей в патриархальной крестьянской среде тоже полностью не исчезло. Тем не менее, и на селе в эпоху нэпа участились случаи негативных последствий свободы половых отношений. Это, прежде всего, рост числа аборт (причём, в антисанитарных условиях и, зачастую, с риском для жизни [8, с. 62]), матерей-одинок, подброшенных новорожденных детей [13, с. 586]. В результате такой политики аборт, по свидетельству современников, в частности, жителей Донского округа Северо-Кавказского края, имели «массовое явление, как у женщин замужних, так и у незамужних» [6, с. 89].

Конечно же, далеко не все мужчины бросали беременных подруг. Здесь заслуживают цитирования слова из письма «красного казака» С. Т. Наумова станицы Жуковской Цимлянского района Сальского округа Северо-Кавказского края. Наумов в послании в редакцию «Крестьянской газеты» наставлял одного из сельских жителей, ранее на страницах данного периодического издания жаловавшегося на неуступчивость жены и её угрозы развестись. Казак писал: «Я полагаю, что должен суд усмотреть, при каких обстоятельствах обстоит развод и по заслугам награждать, а в отношении ребёнка, конечно, ты как отец должен воспитывать его, а то, пожалуй, мы ребята славные..., а потом в кусты» [9, с. 161]. Но, при наличествовавших примерах мужского благородства, в 1920-х гг. доминировала всё-таки негативная тенденция, заключающаяся в отказе многих отцов от заключения законного брака с матерью своего ребёнка и от оказания ей материально-финансовой помощи в содержании своего ребенка.

Осуществлявшееся советским государством изменение институтов семьи и брака включало и негативные, и позитивные элементы [15, с. 181], поскольку декларировалось гендерное равенство полов и построение нового социально справедливого общества с защитой прав женщин и детей. Однако декларации нередко расходились с практикой, и выпущенный на свободу «джин сексуальной свободы» затмил благие намерения реформаторов.

Таким образом, проводившаяся большевиками политика в области семейно-брачных отношений на этапе формирования раннесоциалистического общества сопровождалась социальными экспериментами, базировавшимися на ультралиберальных постулатах вроде прословутых теорий «стакана воды» и «свободной любви». Квазиреволюционная свобода нравов начала проникать и в нэповскую деревню, особенно в среду крестьянской молодёжи, выходя далеко за рамки идеи равноправия мужчин и женщин, в том числе имущественного, семейного и т.д. Название рассказа Пантелеймона Романова «Без черёмухи» стало в середине 1920-х гг. расхожей поговоркой, нарицательным образом, отражающим упрощение отношений между молодыми людьми разных полов. Сексуальной раскованностью отличались, прежде всего, комсомольцы, считавшие соитие с комсомолкой естественным продолжением товарищеских отношений. «Чубаровское дело» явилось отправной, реперной точкой в свёртывании квазиреволюционной свободы нравов и ужесточении наказания за «половые» преступления. В деревне «новые веяния» нашли своё отражение в росте фактов заключения брака «самокруткой» (без одобрения родителей), в формировании практики разводов, причём по инициативе женщин, в учащении случаев изнасилования девушек и последующих скрытых аборт, в рождении внебрачных детей и появлении микрогруппы матерей-одинок. В целом же, традиционная патриархальная семья выдержала в 1920-е гг. «кавалерийскую атаку» на присущие деревне семейные устои.

Список источников

1. Алфёрова И. В. «Женский» вопрос в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917-1927 гг.): дисс. ... д.и.н. СПб., 2011. 411 с.
2. Гессен Д. Это безобразие надо прекратить // Молот: газета Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). 1924. 21 сентября.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 6325: Ставропольский окружной комитет ВКП(б) Северо-Кавказского края. Оп. 1.
4. Данихно С. Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: история генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов-на-Дону, 2007. 343 с.

5. **Зайцев П. Т.** Письмо из деревни Зайцево Киебаковской волости Барского кантона Башреспублики «Никольское происшествие» в редакцию «Крестьянской газеты». 27 апреля 1925 г. // Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М.: РОССПЭН, 1997. С. 155-156.
6. **Как живёт и чем болеет деревня** (по материалам комиссии по обследованию деревни на Юго-Востоке) / под ред. Н. Л. Янчевского. Ростов-на-Дону, 1924. 96 с.
7. **Кон И. С.** Запретный плод // В человеческом измерении / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Прогресс, 1989. 323 с.
8. **Лицо донской деревни** (по материалам обследования ДКК и ДОНО РКИ). Ростов-на-Дону, 1925. 201 с.
9. **Наумов С. Т.** Письмо «красного казака» из станицы Жуковской Цымлянского района Сальского округа Северо-Кавказского края в редакцию «Крестьянской газеты» (конец 1925 г. – начало 1926 г.) // Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М.: РОССПЭН, 1997. 326 с.
10. **Панфёров Ф. И.** Бруски. М., 1950. Кн. 2. 562 с.
11. **Происшествия** // Молот: газета Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). 1926. 24 марта.
12. **Пушкарёв А. М., Пушкарёва Н. Л.** Ранняя советская идеология 1918-1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. В. Романова и Е. Р. Ярославской-Смирновой. М., 2007. С. 200-215.
13. **Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года:** стенографический отчёт. Кн. I. 1416 с.
14. **Романов П. С.** Суд над пионером // Романов П. С. Повести и рассказы / сост. и вступ. ст. С. С. Никоненко. М., 1990. 496 с.
15. **Слезин А. А.** Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3: в 3-х ч. Ч. 2. С. 179-184.

ATTEMPTS TO DESTROY THE TRADITIONAL PEASANT FAMILY IN THE 1920S (BY THE EXAMPLE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Bagdasaryan Susanna Dzhamilovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Sochi State University
bsd73@mail.ru

The article deals with attempts of the Bolsheviks to introduce intersexual relations that were unusual for the agricultural community (by the materials of the Don, Kuban, Stavropol regions) into everyday life of peasants of the South of Russia in the 1920s. Examples of new sexual policy of Bolshevik authorities, which declared freedom of sexual relations from patriarchal remains of antiquity, are given. It is emphasized that changes in the family and marriage spheres (equality of spouses, elimination of parental dictate in relation to children, ease of divorce, etc.) influenced significantly the processes of disintegration of the large peasant family, which began at that time.

Key words and phrases: equality of spouses; pre-kolkhoz village; intersexual relations; Soviet Russia; sexual freedom; everyday life.

УДК 911.375:101.8

Философские науки

Статья посвящена выявлению потенциала развития малых городов Вологодской области. Опираясь на системный и диалектический методы, результаты эмпирического исследования, автор проводит социально-философский анализ экономического и социокультурного потенциала малых городов Вологодчины; приходит к выводу о наличии возможностей перспективного саморазвития городского пространства; в качестве основных компонентов совокупного потенциала выделяет природные и трудовые ресурсы, благополучную экологическую обстановку, эстетические характеристики, историко-культурные достопримечательности.

Ключевые слова и фразы: малый город; Вологодская область; потенциал; развитие; система; человек.

Балюшина Юлия Львовна, к. филос. н.
Череповецкий государственный университет
julya13mouse@rambler.ru

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ, проект № 15-33-01341.

К малым городам традиционно относят поселенческие структуры, имеющие административный статус города и численность жителей менее 50 тыс. человек. На территории Вологодской области расположено 13 малых городов с численностью населения от 4,6 до 37,4 тыс. жителей, каждый из которых имеет уникальное историческое прошлое, традиции, архитектуру, расположение, ментальность. Не все они в настоящее время процветают. И этот факт вызывает серьезные опасения, поскольку малый город – это не только поселенческая структура, но и культурный и экономический центр провинции, во многом организующий ее существование, аккумулирующий различные ресурсы и выступающий в роли флагмана развития территории. От эффективного развития города зависит процветание окружающей территории и, что наиболее значимо, благополучие людей, населяющих ее. Именно поэтому выявление потенциала развития малых городов представляется очень актуальным. Сейчас, в период системного кризиса в стране, который особенно остро отражается